

Кадрия Рафиковна Волкова

г. Елабуга

Антропонимы в художественных текстах Н.А. Дуровой:

этнолингвистический аспект

Надежда Андреевна Дурова известна отечественной истории как первая женщина-офицер, участница военных событий начала XIX века. Знаменитой кавалерист-девице принадлежит целый ряд литературных произведений, которые высоко оценили корифеи русской и мировой литературы А.С. Пушкин и В.Г. Белинский.

«Перелистывая пожелтевшие, столетней давности страницы произведений Дуровой, все время чувствуешь страстную взволнованность автора, ее горячую любовь к родине, к своему народу и его прошлому» [12, с. 43]. Толерантность, уважительное отношение к народам России (вспомним: начало XIX века для царской России было не самым благоприятным для развития дружественных отношений между людьми разных национальностей и вероисповеданий) и Европы воспитано в писательнице благодаря некоторым географическим, историческим, этнопсихологическим объективным факторам. Надежда Андреевна родилась на Украине, провела детство и юность в Сарапуле (ныне Удмуртия), вела службу на территории России и Европы, последние 30 лет прожила в Елабуге (Вятская губерния, граничащая с Казанской); то есть изначально любовь и уважение к представителям разных национальностей развивались у Дуровой как бы сами по себе, вполне естественно и закономерно. Интерес к представителям разных этнических групп кавалерист-девица сохраняла всю свою жизнь, и это, несомненно, отражалось в ее текстах на уровне эксплицитных и имплицитных смысловых структур.

Именник любого этноса, как известно, формировался на основе культуры, мироощущений и религиозных воззрений, тем самым вбирая в себя фонетические, грамматические и лексические признаки национального языка. По этому поводу В.И. Супрун отмечает, что «набор имен собственных будет

хотя и относительно переменным, но достаточно определенным и существенным признаком конкретного этноса, т.е. ономастикон является реализацией национального в языке» [15, с. 10].

Многие ученые отмечают особое значение онимов в художественном пространстве произведения (В.Н. Михайлов, В.М. Калинин, В.И. Супрун, Г.Ф. Ковалев, С.И. Зинин, О.И. Фоякова, Э.Б. Магазаник, Ю.А. Карпенко и др.). По мнению В.Н. Михайлова, «собственные имена, функционирующие в художественном тексте, представляют особую сферу ономастической действительности» [8, с. 78]. Ю.А. Карпенко считает, что на фоне общенародной ономастики возникает, существует и так или иначе на нее опирается литературная ономастика, поэтому поэтическую ономастику можно определить как субъективное отражение объективного [7, с. 34-35].

В рамках художественного произведения реальный антропонимикон переосмысливается автором. «В языке писателя взаимодействуют сразу две разные системы: общенародного литературного языка и индивидуально-речевого творчества писателя. Но эти две системы нельзя ни отождествлять, ни разрывать, ибо «индивидуальное» писателя всегда базируется на «социальном», но никогда не равно ему» [17, с. 25].

В текстах Н.А. Дуровой встречается множество имен собственных, относящихся к различным языковым группам (русской, немецкой, английской, французской и пр.), что создает определенный национальный фон, помогает передать особенности идейного и жанрового содержания произведений.

Цель данной работы – исследование личных имен собственных в художественных текстах Н.А. Дуровой в этнолингвистическом аспекте.

Трудность анализа антропонимов в первую очередь заключается в определении принадлежности антропонима к конкретному этническому пласту. Так, о русских именах А.В. Суперанская пишет: «Форма, в которой существуют наши имена, обусловлена не только закономерностями русского языка, но и особенностями языка греческого, из которого они были заимствованы. В большинство стран Европы имена заимствовались из латинского языка.

Отсюда, например, такие параллельные ряды имен общего происхождения, содержащиеся в русском языке **и: Филикс, Фива, Севир**, а в языках Европы – **е: Феликс, Феба, Север**» [14, с. 8-9].

В художественных произведениях Надежды Дуровой представлена богатая палитра русских имен собственных. Литературные тексты Надежды Андреевны написаны в первой половине XIX века, поэтому некоторые ономастические единицы в современном употреблении неактивны (*Нимфодора, Евфросиния, Агафья, Аглая, Клеопатра, Домника, Палагея, Марфа, Степанида, Модест, Викул, Самуил, Венедикт* и др.). «У меня родится сын, прекрасный, как амур! Я дам ему имя **Модест...**», «– Бабушка не видала, – отвечала **Агафья**, – но за вами приехал **Степан**», «Кроме красоты своей, смешного имени, **Домника** замечательна еще и по близкому родству с тою Амазонкою...» [3, с. 2, с. 15, с. 121]. Данный корпус онимов, используемый кавалерист-девицей, отражает примеры активного употребления имен того периода, в котором жил и писал автор.

В художественном поле писательницы зафиксированы антропонимы, характерные и для современного русского ономастикона: *Алексей, Ефим, Федор, Егор, Степан, Владимир, Оля, Софья, Елена, Марина, Людмила* и др. «В молчании ночью ясно доходили до слуха моего крик **Ефима** и сильное храпенье Алкида», «Видишь ли, **Степан**, какой красавец будет щенок, а ты хотел его забросить!», «Рассказ **Алексея** навел какую-то грусть на молодых людей...» [3, с. 24; 16, с. 42, с. 58].

Немецкие антропонимы формируют отдельный этнический пласт художественного именника Н.А. Дуровой: *Адольф, Абелард, Валериан, Готфрид, Теодор, Клотильда* и др. Поэтонимы данной группы реализуют текстообразующее значение в произведении. Например, в автобиографических «Записках кавалерист-девицы» антропоним *Адольф* является одним из эпизодических лиц в рассказе главной героини: «Взбалмошный **Адольф** привел в ужасное замешательство сестру свою...» [3, с. 248]. Иную задачу выполняют немецкие имена в произведениях романтического плана.

«Атмосфера таинственного, ужасного, созданная в повести «Ярчук собака-духовидец» пробуждает в читателе чувство тревоги, боязни, сопереживания ее героям, читателями испытывается подсознательный страх» [1, с. 37]. В тексте: *«Непонятное усыпление твое, мой **Готфрид**, длилось целый месяц...»* [16, с. 140]. В другом произведении кавалерист-девицы «Павильон» «тесно переплелись готические и романтические традиции, при преобладании последних», что создает в тексте картину ярких образов, свободных и искренних чувств [1, с. 83]. *«Все, что молодая **Клотильда** рассказывала сестрам, было совершенная правда: жид точно выследил, что богатая мебель для украшения только двух комнат выписана ксендзом, что отвезена к нему и что поставлена в павильоне; что павильон обитаем и что существо, в нем живущее, обожжаемо **Валерианом!**...»* [4, с. 320].

Вслед за немецкими именами, поэтонимы английского происхождения (*Себастиан, Грегори*) в повестях Надежды Андреевны дополняют и усиливают стилистическую функцию онимов, формируя романтические традиции с элементами готического и фантастического. *«Ну что ж, добрый **Себастиан**, – говорил батюшка, – если чертям Богемии понравился этот участок земли, так отдай им <...>». Каково мне было слушать эту шутку! Мне – очевидному свидетелю ужасов проклятой долины!»* [16, с. 86].

В литературных текстах кавалерист-девицы упоминаются также и французские личные имена (*Жозефина, Тереза, Сезар, Рафаэль, Грегуар, Жорж*). Так, *Сезар* – герой автобиографического произведения «Записки кавалерист-девицы», реальное лицо и друг Дуровой: *«Товарищи мои возвратились: Чернявский ни с чем; **Сезар** с приобретением неважным...»* [3, с. 149]. Французское имя *Сезар* и русский антропоним *Цезарь* имеют одну языковую основу: из лат. Caesar – фамильное имя в роде Юлиев; греч. Kaisar, Caesar Цезарь – почетный титул римских императоров до Адриана; начиная с Адриана – почетный титул наследников престола [14, с. 234]. Активное употребление в дворянском обществе французских слов отражено и в ономастиконе: граф *Георг* Тревильский («Угол») именовался как *Жорж*. «Для

кого ж, как не для Фетиньюшки, граф **Георг** так учтив с нами, так ласков, почтителен, так ухаживает, прислуживает мне при каждом случае?», «**Жорж**, надобно быть кавалером Целестины весь вечер!» [2, с. 74, с. 114].

Два примера польских имен **Юзеф** («Записки кавалерист-девицы») и **Юзефа** («Граф Мавриций») расширяют границы ономастического пространства произведений Дуровой. «Как! Неужели старик **Юзеф** просит милостыни, и помещик его позволяет?», «Между тем **Юзефа** час от часу расцветала прелестнее, и красота ее начинала уже обращать на себя внимание» [3, с. 246; 13, с. 36]. Антропонимы **Юзеф** и **Юзефа** имеют в основе библейское начало и образованы от древнееврейского *yōzēf*, что означает «бог умножит/прибавит» [14, с. 121]. «Христианство, утвердившееся в Польше с IX–X вв., принесло свой обязательный список имен, содержащий имена «святых» – деятелей первых веков христианства» [11, с. 255].

А.В. Суперанская в «Современном словаре личных имен» некоторые антропонимы относит к западноевропейским формам, сложившимся в русской культуре на основе латинского прочтения слов [14]. К европейским именам, зафиксированных в произведениях Надежды Андреевны, относятся следующие единицы: *Розалия, Эрнестина, Леокадия, Эмма, Фанни, Целестина, Эдуард*. Антропоним *Фанни* является дополнительной ономастической единицей для купеческой дочери *Фетинья* («Угол»). Вопрос смены имени возник после того, как героиня вышла замуж за дворянина. «Вот досадное имя, – сказал он вслух, – мне кажется, сам ангел покраснел бы от него! Когда я женюсь на ней, мой круг будет звать ее **Фанни**» [2, с. 97]. Оним *Фетинья* как единица именования относится к числу разговорных форм русских имен, поэтому в произведении представителем дворянства оно было заменено на *Фанни*, что соответствовало манере имянаречения привилегированного общества. Поэтоним *Фанни* образован путем усечения начальной части западного имени *Стефания* [14, с. 351]. Надежда Андреевна показывает, что смена русского имени на европейскую форму является лишь бессодержательной условностью.

В повести «Ярчук собака-духовидец» выделяется ряд цыганских антропонимов (*Замет, Хауда, Керим, Мария*). Кочевой образ жизни, отсутствие общей территории проживания цыганского народа наложили свой отпечаток на формирование их именника: личные имена, зафиксированные в произведении, встречаются в ономастиконах других языковых групп (*Керим* арабского происхождения, *Мария* древнееврейского). Период расселения цыган по всей Европе приходится на XV–XVII вв. [11, с. 334]. Поэтонимы *Замет* и *Хауда* не упоминаются ни в одном национальном словаре имен. Возможно, данные номинации относятся к старым формам имен, утратившим активное употребление, или являются абсолютным имятворчеством автора, также есть вероятность, что писательница допустила фонетическую ошибку при воспроизведении имен. Этническая обусловленность поэтонимов обнаруживается в тексте: «*А последнее – цыган **Замет**, который мне, как ребенку, казался чудовищного роста и был страшен, как людоед*», «*...они наперед утверждают все, что скажет и откроет **Хауда** (имя старой цыганки)...*» [16, с. 133, с. 142]. Включение данных персонажей в художественное пространство повести продиктовано замыслом автора: в тексте образы цыган создают антураж таинственности и загадочности.

Надежда Андреевна много путешествовала и знала обычаи, нравы людей разных национальностей; автор подробно описывает жизнь и быт простых людей: марийцев, татар, евреев и др. «Дурова часто обращается к национальной теме, выступая в защиту угнетенных народов России, утверждая идею ценности человеческой личности: в повести «Серный ключ» рассказывает о глубоких чувствах черемисов Зеилы и Дукмора, в повести «Нурмека. Происшествие из времен Иоанна Грозного вскоре после покорения Казани» создает героический образ татарской женщины Кизбек» [9, с. 290].

Надежда Андреевна, прожившая бок о бок с тюрками более сорока лет, отводит в своих произведениях особое место представителям татарского этноса. Тюркские антропонимы образуют группу из личных имен (*Хамитулла, Якуб, Абурашид, Ибрагим, Сулейман, Фатима* и др.) и одной фамилии

(Мансуров). Формы онимов *Зугра*, *Нурмека* и *Кизбек* не находят отражения в словаре татарских личных имен [10]. Национальные и половозрастные характеристики персонажей определяются контекстом: «...ему приятно было оставаться дома и изредка проходить мимо окна *Зугры*, дочери одного из богатейших татар деревни», «...конь наскочил на *Нурмеку*..., вмиг юная татарка делает шаг вперед...», « – Золотое кольцо моей Нурмеки тому, кто принесет её покрывало, – говорила *Кизбек*, обводя умоляющим взором изумленную толпу. Голос татарки прерывался, члены трепетали...» [3, с. 197; 5, с. 28, с. 29]. Смеем предположить, что *Зугра* вариант имени *Зухра* («лучезарная, сияющая; цвет; цветок; утренняя звезда, Венера» [10, с. 371]) – замена глухого заднеязычного согласного [х] на звонкий [г]; *Нурмека* от *Нурбика* («лучезарная девушка» [там же, с. 399]) – изменение билабиальных согласных [б] на [м] и гласных [и] на [е]; *Кизбек* от мужского имени *Казбек/Казибек* (Кази «судья» + бек «господин» [там же, с. 128]) – замена безударного гласного [а] на [и]. Возможно, фонетические трансформации в данных именах произошли вследствие того, что Н.А. Дурова не была носителем татарского языка.

Изображению жизни и быта черемисского (марийского) народа марийцев Н.А. Дурова посвящает небольшую повесть «Серный ключ». В центре повествования двое любящих друг друга сирот *Дукмор* и *Зеила*. В словаре марийских имен дохристианского и христианского периода антропонимы *Дукмор* и *Зеила* не встречаются. Звуковой облик онимов *Дукмор* (обилие в имени звонких и сонорных твердых согласных) и *Зеила* (тоже звонкий, но мягкий согласный в начале онима) выступает одним из средств характеристики героев: «...природа была для него (Дукмора – К.В.) самою нежною матерью. Она дала ему высокий рост, стройность, необычайную силу и красоту лица, иногда еще не виданную в сем народе, по большей части малорослом и неуклюжем»; *Зеила* «...была девица, черемиска, лет семнадцати или восемнадцати, бледная, как белый мрамор, но невыразимо прекрасная: большие глаза ее были черны и блестящи, рот хотя казался несколько велик, надобно

думать, от чрезмерной ее сухощавости, но был, однако ж, свеж, как роза, и до пленительности хорош, и как она была крестьянка, то не удивительно, что ровные прекрасные ее зубы были белы, как слоновая кость...» [6, с. 27, с. 18]. В данных номинациях фоносемантические особенности помогают воссоздать целостный образ.

Ономастическая лексика характеризует авторскую индивидуальность, уровень мастерства и эрудиции писателя Н.А. Дуровой, побывавшей в разных странах и местах; общавшейся с людьми самых разных национальностей и социальных слоев. Все указанное выше не могло не отразиться в литературных произведениях автора.

В создании художественных текстов Надежда Андреевна употребляет имена разных этнических групп, которые она пропустила через призму своего поэтического видения. Благодаря этому произведения кавалерист-девицы выделяются особым колоритом.

Поэтонимы в литературном творчестве Надежды Андреевны важны не только для того, чтобы показать все разнообразие и богатство национальных культур России и Европы (частью которых является и антропонимикон), но и способствуют воспитанию любви и интереса к прошлому своей родины, к своему народу и его истории.

Список литературы

1. Болюх, Е.И. Жанровое своеобразие художественной прозы Надежды Андреевны Дуровой: дис. ... канд. филол. наук / Е.И. Болюх. Тверь, 2001. 214 с.
2. Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века / сост. В.В. Ученова. Москва: Современник, 1986. 463 с.
3. Дурова, Н.А. Записки кавалерист-девицы / Н.А. Дурова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 288 с.
4. Дурова, Н.А. Избранное / Н.А. Дурова. Москва: Советская Россия, 1984. 440 с.
5. Дурова, Н.А. Нурмека. Происшествие из времен Иоанна Грозного вскоре после покорения Казани / Н.А. Дурова. Елабуга: АБАК, 1999. 200 с.

6. Дурова, Н.А. Серный Ключ / Н.А. Дурова. Елабуга: Елабужская типография, 1996. 32 с.
7. Карпенко, Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34 – 40.
8. Михайлов, В.Н. Специфика собственных имен в художественном тексте / В.Н. Михайлов // Филологические науки. 1987. № 6. С. 78 – 82.
9. Русские писатели. Биобиблиографический словарь: в 2 т. / Под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. Т. 1. 448 с.
10. Сатаров, Г.Ф. О чем говорят татарские имена? / Г.Ф. Сатаров. Казань: Раннур, 1998. 488 с.
11. Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М.В. Крюков. М.: Главная редакция восточной литературы издательство «Наука», 1989. 383 с.
12. Смиренский, Б.В. Надежда Дурова / Б.В. Смиренский // Записки кавалерист-девицы. Повести. Калининград: Калининградское книжное изд-во: Янтарный сказ, 1999. С. 5-46.
13. Степная барышня. Проза русских писательниц XIX века / сост. В.В. Ученова. М.: Правда, 1989. 672 с.
14. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
15. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
16. Фантастические повести: Дурова Н.А. Ярчук собака-духовидец; Одоевский В.Ф. Саламандра; Толстой А.К. Упырь / сост. С.Ф. Васильев. Ижевск: Удмуртия, 1991. 320 с.
17. Фонякова, О.И. Имена собственные в художественном тексте: учеб. пособие / О.И. Фонякова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 104 с.